

Р. ПОП

Некоторые мысли по поводу издания средневековых славянских текстов*

« критика текста не является ни ветвью математики, ни какой-либо точной наукой вообще. Она имеет дело с материей не строго постоянной, как строчки и числа, но текучей и изменяющейся. Конкретно говоря, со сложностями и преувеличениями человеческого разума и с его непослушными слугами — человеческими пальцами. Таким образом, эта наука не подчиняется жестким правилам. Было бы намного легче, если бы она таким правилам подчинялась, и вот почему люди пытаются претендовать на то, что она им подчиняется, или, по крайней мере, делают вид, что они так думают»

А. И. Хаузмэн

(Housman A. E. The Application of Thought to Textual Criticism // The Classical Papers of A. E. Housman / Ed. J. Diggle, F. R. D. Goodyear. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. Vol. 3 (1915—1936). P. 1058—1059)

Существуют два основных типа рукописной традиции, через которые передаются классические и средневековые тексты, — закрытые традиции и открытые традиции.¹ Когда планируется издание текста, необходимо как можно раньше установить путем критического разбора (*recensio*), к какому виду традиции текст принадлежит и, соответственно, выбрать дальнейшую методологию. Даже такая важная вещь, как выбор *основного (лучшего) списка* (*codex optimus*), зависит от того, с каким видом традиции мы имеем дело.

В закрытых традициях тексты передаются «вертикально» в том смысле, что каждый список является наследником единственного оригинала, с которого он непосредственно копируется и с которого он является более или менее верной копией. Так же и сам этот оригинал является в свою очередь копией единственного списка, являющегося его оригиналом, и так далее, вплоть до существующего или гипотетического архетипа, который в некоторых случаях может быть исходным текстом, но всегда является формой текста, настолько близкой к исходному тексту, насколько это возможно. В такой традиции мы можем, с некоторой претензией на научную строгость, построить стемму или генеалогическое древо, работая преимущественно на основе очевидных ошибок в списках. Следуя этой стемме, мы можем выбрать *основной список* (*codex optimus*) и последующие лучшие списки и реконструировать архетип или древнейший из возможных текстов более или

* Пер с англ. А. Г. Боброва — Ред.

¹ Это термины, которые использует Джорджно Паскуали (Giorgio Pasquali) в его «Storia della tradizione e critica del testo» (2 ed. Florence: Felice le Monnier, 1952).

менее надежно. Ключевое предположение в этом случае, однако, заключается в том, что любой взятый манускрипт был скопирован только с одного оригинала — с ошибками, изменениями и, возможно, с некоторыми другими незначительными вольностями, но тем не менее в результате являясь копией того или иного оригинала. Такие случаи мы можем рассматривать в качестве девственной или неконтаминационной традиции. Но нужно иметь в виду, однако, что как в жизни, так и в текстологии, многие вещи, которые кажутся девственными, на самом деле таковыми не являются.

В открытых традициях тексты передаются не только «вертикально», но и «горизонтально», в том смысле, что каждый список является не только «прямым последователем оригинала и непосредственным его отражением, но также косвенным образом отражает по крайней мере один (а часто больше) дополнительный список, из которого чтения были заимствованы писцом, который сличал чтения двух или более протографов, находившихся перед ним. Иногда он мог только изредка консультироваться с дополнительным списком (*consultatio*), а в других случаях он мог широко смешивать два имевшихся у него текста (*conflatio*), но в любом случае он производил гибридный текст и вводил контаминацию в традицию.

Если в закрытых, неконтаминационных традициях теоретически возможно построить генеалогическую стемму, показывающую соотношение списков между собой, то в контаминационных традициях невозможно конструировать стеммы или генеалогии «научно» или даже систематически разобраться в традиции,² потому что вся генеалогическая теория покоится на предположении, «что чтения и ошибки передаются „вертикально“ из одной рукописи в другую, то есть прямо переходят из одной книги в те копии, которые с нее сделаны...».³ Не следует подходить к контаминационным традициям, используя технику классической критики текста (*Textkritik*), и просто закрывать глаза на контаминации. В открытых традициях, как утверждает Дж. Б. Холл в своем исследовании «*De Raptu Proserpinae*» Клавдиана, «строгая элиминация (*eliminatio*), возможная в так называемых „закрытых традициях“, непригодна, и следует пользоваться более приблизительными имеющимися под рукой методами».⁴ Здесь подход Паскуали может многому нас научить.⁵

Этот вопрос поднимается здесь потому, что, по моему мнению, контаминация — значительно более распространенное явление при передаче средневековых славянских текстов, даже самых древних, чем это обычно допускается. Насколько это обычно в греческих рукописях,⁶ и греческая, латинская и романская средневековые традиции очень часто это отражают, настолько же и средневековая славянская традиция вполне проникнута контаминацией, и было бы исключительным явлением, если бы это не было так. Средневековые славянские тексты часто переписывались с нескольких оригиналов. Как пишет Д. С. Лихачев, «работа по выверке текстов по различным рукописям производилась древнерусскими переписчиками сплошь и рядом...».⁷ Более того,

² «Там где контаминация существует, — пишет Паул Маас, — наука составления стемм в прямом смысле терпит неудачу» (Maas P. *Textual Criticism* / Transl. Barbara Flower. Oxford: Clarendon Press, 1963. P. 48).

³ Reynolds L. D., Wilson N. G. *Scribers and Scholars. A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*. 3 ed. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 214.

⁴ Introduction // *Claudian De Raptu Proserpinae* / Ed. J. B. Hall. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 62.

⁵ См. ерo «Storia della tradizione e critica del testo».

⁶ См. например Collomp P. *La critique des textes*. Paris: Les Belles Lettres, 1931. P. 83—

104. Лихачев Д. С. *Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков*. Л.: Наука, 1983. С. 94.

именно в наиболее хорошо известных текстах мы можем ожидать наибольшую степень контаминации. «Там, где тексты много читались, — пишет Паул Маас, — существовала тенденция к возникновению контаминации».⁸ «Тексты, которые наиболее часто читались <...> более всего дают примеров значительной контаминации», — замечают Рейнолдс и Вилсон.⁹ Чезаре Сегре указывает на три причины, почему распространенность какого-либо произведения увеличивает степень контаминации: «1) существуют большие шансы, что большее количество списков произведения будет собрано в одном и том же *скриптории*; 2) существует большая вероятность, что те списки, которые были использованы для контаминации, уже сами были контаминированными; 3) человек, который отвечает за сличение текстов, неизбежно замечает возрастающую разницу между списками».¹⁰ Это означает, что мы должны ожидать большую степень контаминации в славянской традиции для таких произведений как летописи, сказания, жития и апокрифы, т. е. те тексты, над которыми преимущественно работали исследователи и которые наиболее часто публиковались.

Как много изданий ранних славянских текстов за последние 50 лет учитывали контаминацию и сличение рукописей в достаточной мере? Д. С. Лихачев писал, что «с возможностью такой работы текстолог обязан считаться в каждом отдельном случае».¹¹ Но кто следовал этому совету? Обычно к славянским текстам подходят, недостаточно учитывая эту возможность. Существует тенденция обращаться с контаминированными текстами так, как будто они все же таковыми не являются, и исходить из того, что контаминация не имела большого значения при создании стеммы, выглядящей вполне удовлетворительно, но игнорирующей текстологические аргументы «против», словно стемма так или иначе остается уместной и в этом случае.¹² Это действительно плохо, потому что, как отмечает Морис Бевенот в своем исследовании рукописной традиции трактатов святого Киприана, «не заметить факта контаминации или отнести к нему как к чему-то неважному и, несмотря на это, создавать стемму, означает издать стемму, которая безусловно вводит в заблуждение».¹³ Конечно, когда такое случается, и дело именно в этом, все в исследовании от стеммы и истории текста вплоть до выбора основного списка и последующего издания становится в лучшем случае сомнительным и напрасной тратой сил.

Некоторые (возможно, многие) традиции, которые рассматривались как закрытые теми, кто издавал в XX в. средневековые славянские тексты, в действительности могли быть открытыми традициями, в разной степени подверженными контаминациям. И этого следует ожидать, глядя на мучительно усложненные стеммы во многих наших изданиях, полные пунктирных линий, кружков, стрелок и воображаемых, но несуществующих промежуточных стадий, необходимых для того, чтобы придать смысл всему этому хаосу, вызванному контаминацией. Вертикальное копирование, несомненно, имело место, и некоторые из текстов принадлежали к закрытым традициям, но многие славянские книжники, так же как их греческие, латинские и романские коллеги, просто не работали подобным

⁸ Maas P Textual Criticism P 48

⁹ Reynolds L D, Wilson N G Scribes and Scholars P 214

¹⁰ Segre C The Problem of Contamination in Prose Texts // Medieval Manuscripts and Textual Criticism / Ed Christopher Kleinhenz Chapel Hill University of North Carolina Department of Romance Languages 1976 P 119 (North Carolina Studies in Romance Languages and Literatures No 4)

¹¹ Лихачев Д С Текстология С 94

¹² Д С Лихачев верно отмечает что в текстологии «одно „против“ перетягивает десятки и сотни „за“» (Там же С 240)

¹³ Bevenot M Tradition of Manuscripts A Study in the Transmission of St Cyprian's Treatises Oxford Clarendon Press 1961 P 6

путем и предпочитали проверять чтения в других списках и выбирать те, что казались лучшими. Уже сам А. А. Шахматов ясно осознал это и основывал большую часть своих поздних работ по летописям именно на таком предположении.

Предположение, что контаминация является нормой для средневековой южно- и восточнославянской традиции, — то, к чему меня привела моя работа над патериками и апокрифами, — имеет большое значения для издания славянских текстов. Каковую методологию мы должны применять для того, чтобы изучать и издавать хорошо известные тексты, принадлежащие к открытым традициям?

Оставляя в стороне издания факсимильные и дипломатические, воспроизводящие отдельные списки, в действительности существуют только две основные разновидности критических изданий, которые использовались для средневековых славянских текстов. Первая разновидность — это издание с разночтениями (*editio cum notis variorum*). Здесь мы говорим не о таком типе издания, которым мы издаем таких писателей как Шекспир, но о том типе изданий, которые выходят, например, в Пушкинском Доме (школа Лихачева), где, согласно Бедье, издательская практика консервативна и характеризуется изданием одного хорошего текста — лучшего списка — с разночтениями из других рукописей, заслуживающих внимания. Вторая разновидность — это сводное издание (*collated edition*) того типа, который сейчас распространен среди исследователей греческой, латинской и романской литературы, не являющихся приверженцами школы Бедье. Обычно используется метод, являющийся усовершенствованием метода Лахмана (который так высмеивает Лихачев), и метод, описанный Маасом в его «*Textkritik*», согласно которому издатель выбирает лучший список для передачи основного текста (как и в первом методе), но затем систематически сравнивает его чтения с чтениями всех других источников, исключая описки (*non descripti*), и исправляет основной текст в тех случаях, когда это кажется необходимым. Здесь цель заключается в том, чтобы реконструировать текст настолько близко к оригиналу, насколько это возможно (*constitutio textus*), и предложить его читателю.*

У обеих этих разновидностей издания на практике есть свои позитивные и негативные стороны.

Первый недостаток критических изданий — основных изданий в нашей области за последний век — связан с тем, каким образом выбирается основной список. Это главная проблема, потому что текст списка, который был выбран как основной и на котором затем базируется издание, склонны рассматривать как собственно *текст* и сам публикатор, и последующие исследователи. Именно этот текст впоследствии перепечатывается отдельно в других изданиях или выбирается для перевода и включения в различные антологии. Прочитавшие монументальную «Текстологию» Лихачева знают, что не следует просто выбирать рукопись с наименьшими ошибками и искажениями, или древнейший список (*codex vetustissimus*), или даже наиболее типичный и общераспространенный вариант текста, или *принятый текст* (*textus receptus*). «Лучшим» списком для российских издателей за последние 50 лет был тот, который считался сохраняющим текст в его старейшей форме, насколько это определялось обязывающей на вид стеммой. Это не

* В отечественной традиции выражению *editio cum notis variorum* соответствует термин «критическое издание», тогда как *collated editions* обычно называют реконструкциями или «сводными изданиями»; эти термины и употребляются в дальнейшем изложении. Следует иметь в виду (см. ниже), что критическое издание также может опираться в качестве основного текста не на лучший список, а на реконструкцию — *Примеч ред*

представляет проблемы для произведений, сохраняющихся в закрытых традициях. Но что, если некоторые из традиций, которые считались закрытыми и упрямо подвергались традиционной стемматологии, в действительности являются открытыми традициями? Во всех этих случаях стемма сама по себе волей-неволей окажется фиктивной, и, вероятно, основной список вовсе не будет лучшим (*optimus*), и многие возможно худшие списки (носители разночтений) должны были бы быть исключены или отнесены в примечания из-за ложных стемматических оснований, каждое из которых будет чрезвычайно компрометировать чистоту издания. С чем же мы тогда останемся? Это будет публикация одного списка (не обязательно лучшего) плюс разночтения из ряда других списков (не обязательно наиболее уместных). Если в традиции имеет место контаминация, то мы не должны пытаться пользоваться тем, что Хаузмэн называл «незыблемыми правилами», и начинать отбор (*eliminating*) списков согласно некоей стемме, скорее мы должны помнить об изречении Паскуали: «изменения не порча» (*recentiores non deteriores*), и быть уверенными, что некоторые варианты могут сохранять уникальные первоначальные чтения. В этом случае нам следует забрасывать наши сети, которые иначе приходится держать свернутыми при наших генеалогических опытах.

Таким образом, первая проблема критических изданий заключается в том, что они не подходят для контаминированных традиций, где любой список в любое время может сохранить первоначальное чтение — один или наряду с любым другим списком. Слишком большое количество потенциально «лучших» чтений игнорируется вместе со своими рукописями на стемматологической стадии критического разбора текста (*recensio*). Во-вторых, с этим связана проблема, когда иной раз слишком мало списков отбирается для подведения разночтений. Очевидно, в случае с контаминированными текстами, чем больше списков используется (в пределах физических возможностей), тем лучше. Третья проблема, которая часто отмечается теми, кто пользуется критическими изданиями, — это то, что в критическом аппарате (*apparatus criticus*) пользователь не всегда получает всю необходимую информацию для того, чтобы принять решение о любом данном чтении текста. Во многих изданиях мы не снабжены последовательно всеми разночтениями, даже из выбранных списков. Иногда нам даются только те, которые были важны с точки зрения публикатора, у которого могло не быть соображений относительно того, что окажется впоследствии важным другим исследователям в иных областях знания. Большинство из нас, работающих с рукописями, обращались к манускриптам и находили, что ситуация отличается от той, которую мы могли бы реконструировать на основе разночтений к опубликованному основному списку. Таким образом, предубежденный выбор основного списка и списков, привлекаемых для разночтений, недостаточное привлечение последних и недостаточная полнота в представлении вариантов, ведущая к неясности критического аппарата, — все это дефекты такой разновидности издания.

Лучшее, что можно сказать о критическом издании, — это то, что даже если стемма окажется фиктивной (а так, конечно, и будет, если контаминация присутствует, но была проигнорирована), по крайней мере один список будет опубликован полностью. Следует быть благодарными за многие ранее не опубликованные тексты, которые вышли в свет в Пушкинском Доме в критических изданиях. Хорошо еще и то, что в изданиях, где в вариантах были должным образом приведены разночтения без сокращений, читатель может проверить все свидетельства и осуществить свои собственные экзерсисы в реконструкции текста (*constitutio textus*), даже если он и не знает, какие чтения существуют во многих проигнорированных списках. Критиче-

ское издание может дать много полезных сведений, даже если зачастую, к сожалению, предоставляет их далеко не в полном объеме.

Основной недостаток сводных изданий (*collated editions*) или реконструкций — это не сам процесс, вопреки Лихачеву, который очень настроен против него,¹⁴ но тот факт, что, как бы ни был тщательно разработан (вплоть до нечитабельности) критический аппарат,¹⁵ читатель постоянно сталкивается с путами решений, принятых публикатором (который мог сверяться с большим количеством списков) без приведения всех необходимых данных для проверки выбора (*selectio*) и догадок (*divinatio*), которые позволил себе издатель. Всегда ощущается, что было рассмотрено несметное число альтернатив, но приведено недостаточно различий, и от читателя обычно ожидают слепого доверия. Более того, как и в случае с критическими изданиями, если в традиции имеет место контаминация, но ее проигнорировали, стемма будет неправильной и основной текст, к которому относятся с большим доверием, вероятно, будет неправильно отобран, и много хороших списков могут быть ошибочно проигнорированы, в результате чего многие хорошие чтения будут утеряны, и в целом чистота сводного текста как представителя лучших чтений станет сомнительной.

Что хорошего можно сказать о сводных изданиях (когда они сделаны как следует), — это то, что реконструируемый текст сохранит минимально возможное количество контаминаций, поскольку публикатор, работая как средневековые писцы, будет пытаться сохранить текст в самой старой его форме. Более того, предлагаемый текст будет ближе к оригиналу, чем любой существующий текст; с одной стороны, он будет гипотетическим, а с другой — он будет просто самым последним существующим списком, сделанным издателем, работающим таким же способом, как работали писцы ранее. Реконструированный текст будет представлять собой текст настолько, насколько возможно, близкий к тому тексту, который был изначально. Вот почему А. А. Шахматов и М. Д. Приселков потратили столько времени на реконструкции соответственно «Повести временных лет» и Троицкой летописи. У этого типа изданий, однако, есть еще одно преимущество, о котором я не имел представления до тех пор, пока не попытался сам сделать полную реконструкцию текста: только в ходе реконструкции, вынужденный напряженно думать фактически о каждом слове и каждом различии, исследователь может на самом деле прийти к знанию текста и пониманию всех его проблем. После завершения реконструкции можно вновь связать исходный критический разбор (*recensio*) с новыми знаниями и достичь точки зрения на историю текста, которая будет наиболее близка к истине.

Учитывая вышесказанное о плюсах и минусах двух основных разновидностей издания, как же должен вести себя публикатор, работающий над средневековым славянским текстом, особенно если традиция этого текста контаминированная (что, как я уверен, чаще всего и бывает) и текст принадлежит открытой и хорошо засвидетельствованной традиции?

Ни один из двух вышеописанных методов не является полностью удовлетворительным. Оба имеют серьезные недостатки, и ни один метод не может быть рекомендован по отдельности. Похоже, что лучшим решением является подготовка сначала критического издания и затем основанная на сопоставлении реконструкция, *одно за другим в одном томе*, что по неко-

¹⁴ См. например Лихачев Д. С. Текстология С. 462—478.

¹⁵ Р. Д. Дэйв отмечает, что «обычный критический аппарат бывает обременен ошибками и вводящей в заблуждение информацией всех видов, какие только можно себе вообразить» (Dawe R. D. The Collation and Investigation of the Manuscripts of Aeschylus. Cambridge: Cambridge University Press 1964. P. 6).

торым причинам мы редко, если вообще когда-либо, находим в наших публикациях текстов.¹⁶

Вот как можно было бы наилучшим образом проводить работу по изданию любого средневекового текста. Сначала следует собрать списки и представить свой предварительный критический разбор (*recensio*), оптимальный на этом раннем этапе исследования, обращая особое внимание на то, к открытой или закрытой традиции принадлежит текст. Затем, если традиция закрытая, выбрать дающий самые лучшие чтения список в качестве основного и следующие по сохранности чтений списки как главные для подведения разночтений. Если существует большое количество редакций текста, можно затем выбрать дающие самые лучшие чтения списки каждой отдельной редакции для подведения разночтений, особенно если нет намерения публиковать редакции по отдельности. В другом случае, если традиция открытая и загрязненная, можно по-прежнему выбрать текст, который, как представляется, дает самые лучшие чтения, в качестве основного, но затем привлечь для подведения разночтений как можно больше списков, начиная с лучших и работая по направлению к худшим (*deteriores*), исключая, конечно, все описания (*descripti*). Чем больше привлечено списков для подведения разночтений, тем более обоснованно критическое издание загрязненного текста. Это не всегда столь трудоемко, как кажется, ибо, вопреки принципу «изменения не порча» (*recentiores non deteriores*), существует закон уменьшения повторяемости изменений по мере их накопления, и хотя одно хорошее первоначальное уникальное чтение *может* встретиться где угодно, большинство разночтений в истинно загрязненных традициях, как правило, дает относительно мало оригинальных чтений и очень мало (а может и вовсе не давать) уникальных первоначальных чтений. Когда имеется множество или сотни разночтений, то не имеет практического смысла использовать их все — эти данные не оправдывают потраченного на них труда.

Выбрав основной список и списки для подведения разночтений при критическом издании, следует представить основной список так, чтобы читатель мог *точно* знать, как читается оригинал. Здесь желательно продвигаться в направлении дипломатического издания. Нормализованная орфография здесь совершенно неприемлема. Далее, варианты должны быть даны в такой форме, которая позволяет действительно реконструировать отрывки в списке, по которому приводятся разночтения, путем работы с основным текстом и вариантами (за исключением, конечно, орфографии тех слов, которые совпадают в привлеченном для разночтений и основном списках и, следовательно, не добавлялись как варианты). Идея представления только разночтений, которые имеют «смысловое и языковое значение», и игнорирования «орфографических разночтений, перестановки слов, пропущенного или вставленного союза и, междометия же» в зависимости от «значения издаваемого памятника, времени его создания и сохранности текстов»¹⁷ должна быть отвергнута. Один из тестов с лакмусовой бумажкой на приемлемость критического издания — это возможность точной реконструкции любого цельного фрагмента в каждом из списков, по которым подведены разночтения. Неприемлемо давать неполные данные в некоей гипотетической стандартизированной форме и орфографию, которая не соответствует действительному тексту рукописи. Это *может* быть достаточно для одного типа специалистов, скажем историков, но это будет далеко не удовлетворительно

¹⁶ Критические издания редко встречаются в практике филологов-классиков, а реконструкции теперь редки в славистике

¹⁷ Дмитриева Р. П. Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы // ТОДРЛ М., Л., 1955 Т. II С. 496

для других, например лингвистов. Неприемлемо и далее делать издания, рассчитанные «только на литературоведов и историков, но не на лингвистов».¹⁸ Р. П. Дмитриева писала, что «различные типы публикаций не должны смешиваться»,¹⁹ подразумевая, к примеру, издания для литературоведов и для лингвистов. Мне кажется, однако, нет никакой серьезной причины, почему они не должны быть смешаны и почему не следовать высоким лингвистическим стандартам при всех изданиях средневековых славянских материалов. За исключением популярных изданий, полагаю, все научные издания должны отражать стандарты, которые делают их приемлемыми для всех исследователей. При том, что к настоящему времени существует так мало приемлемых изданий славянских текстов и так много еще следует издать, в нашей области вряд ли можно позволять себе роскошь изданий только для определенной группы исследователей, и действительно, такие издания кажутся неоправданными сейчас, когда есть компьютерные технологии для воспроизведения рукописей в форме настолько близкой к оригиналу, насколько мы этого хотим.

Окончательная цель любого критического издания заключается в том, чтобы текст и разночтения были представлены как можно точнее, так как издатель не знает, кто будет использовать получившееся издание и для каких целей. Имея в виду исследование по классической филологии, Р. Д. Дэйв писал, что «до самого недавнего времени приведение разночтений всегда было в какой-то мере поверхностным делом, это были отдельные чтения, приведенные тут и там, вместо детального отчета о каждом обнаруженном расхождении».²⁰ Неполное сопоставление ведет к бесполезности любого издания. Если издатель точно не дает всех разночтений или, по крайней мере, не прилагает усилий в этом направлении, когда-нибудь придется снова делать эту работу по-настоящему. Один метод, который полезен для обеспечения полноты выявления разночтений, — это нумерация каждого слова в основном тексте и приведение затем всех вариантов, как только они возникают. Могут возразить, что номера будут загромождать текст, но и не предполагается, что издания должны легко читаться. Большое преимущество этой системы заключается в том, что можно включить все разночтения из новых списков, когда они появляются, без разрушения системы нумерации и без необходимости начинать все сначала; после подготовки и даже публикации издания текста можно публиковать разночтения из новонайденных списков в приложении или более поздней статье, используя нумерацию исходного основного текста.

Завершив критическое издание на этой стадии, теперь и только теперь следует готовить сводное издание, — шаг, который становится возможен, поскольку уже есть достаточно сведений для читателя, чтобы он мог проверить выбор (*selectio*) издателя и оспорить решения, если на то есть основания. Каким бы ни был исчерпывающим критический аппарат, невозможно предлагать критическую реконструкцию текста без предшествующего издания с разночтениями и просто ожидать от читателя, что он примет на веру постоянную корректность публикатора во всех случаях выбора (*selectio*) и догадок (*divinatio*).

Подготовка сводного критического издания — ответственная задача. Реконструкция текста (*constitutio textus*) для этой разновидности издания постоянно требует критических способностей и знаний на каждом шагу и гораздо больших интеллектуальных усилий, чем все вместе взятое издание с

¹⁸ Там же. С. 491.

¹⁹ Там же.

²⁰ Dawe R. D. The Collation and Investigation of the Manuscripts of Aeschylus. P. 2.

разночтениями, которое является результатом в большей мере технических, а не критических усилий. Можно начать с использования основного списка издания с разночтениями, положив его текст в основу, и затем идти дальше, сравнивая слово за словом основной текст со всеми разночтениями из издания с разночтениями, а далее как с максимальным количеством оставшихся проигнорированными там списков, так и с любыми выписками или цитатами из текста в древних средневековых произведениях, выбирая те чтения, которые представляются древнейшими и лучшими для сводного текста. Если изучаемое произведение является переводным, конечно, следует реконструировать текст, глядя сквозь пальцы на оригинал перевода, обычно отбирая и сочетая те славянские чтения, которые кажутся древнейшими, и те, которые наиболее близки оригиналу. Хотя Лихачев категорически возражает против этого процесса, примечательно, что даже Шахматов, которого Лихачев глубоко уважает, в своем критическом издании «Повести временных лет», войдя в прямое противоречие установленными прежде принципами и вопреки большинству своих суждений, не смог удержаться от того, чтобы «нередко подчиняться влиянию очевидно лучшего чтения» в списках, содержащих варианты, и «заменять чтения основных списков этими „лучшими“ чтениями».²¹ Подобно многим ученым, предпринимавшим критические реконструкции, Шахматов не мог ограничиться заменой лишь очевидно испорченных чтений бесспорно лучшими, но вместо того он постоянно включал лучшие чтения в свой основной текст, когда он не мог удержаться от того, чтобы не признать какой-либо вариант текста лучшим чтением. Казалось, *nolens volens*, он разделял точку зрения Мааса, что «если традиция оказывается испорченной, мы должны исправлять ее конъектурой...».²² Тогда как Шахматов лишь «нередко» выбирал лучшие чтения в своем издании, в сводном критическом издании или реконструкции необходимо делать так постоянно от начала и до конца, или же не предпринимать вообще такую публикацию.

Сводный текст в критическом издании — это действительно один список, дающий возможно лучшие чтения, и те, кто настаивает, что мы должны ограничить себя исключительно изданиями «реальных» текстов в форме публикации основного списка с разночтениями, должны обдумать мнение Уайтхеда и Пикфорда, которые отметили: «Было бы преувеличением думать, что рукопись представляет состояние текста, обладающего аутентичным существованием, поскольку то, с чем мы имеем дело, в большинстве случаев является такой же компиляцией, как и любой реконструированный критический текст, созданный ученым в тиши его кабинета».²³ Благоговение перед «реальными» текстами, даже перед лучшими списками, не должно позволять нам забывать, что они могут содержать текст, далекий от оригинала, и могут отражать «тяжелую руку» редакторов, чьи интересы были далеки от представления текста в его древнейшем или даже наиболее влиятельном виде. Когда кто-либо находит изолированное, но полезное чтение, которое хорошо подходит к некоей излагаемой им теории, то оказывается очень соблазнительным забыть, что это чтение, возможно, было единственным в редко (если когда-либо) читаемом списке, представляющем текстологический тупик, находившемся в полурассыпавшемся виде в каком-нибудь монастыре, не отражая обычных взглядов того времени, не влияя каким-либо образом на общественную мысль эпохи.

²¹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. С. LXII.

²² Maas P. Textual Criticism. P. 11.

²³ Whitehead F. Pickford C. The Introduction to the «Lai de l'ombre». Half a Century Later // Medieval Manuscripts and Textual Criticism. Chapel Hill, 1976. P. 112.

Критический сводный текст может лучше отвечать запросам таких людей, как исследователи религии, историки литературы, фольклористы и даже иногда историки, которые нуждаются в чем-то вроде идеи первоначального текста, какой она может быть сформулирована до того, как нечто интеллектуальное будет сказано о его изменениях и их причинах на протяжении всей истории текста. В этом смысле реконструкция является важной ступенью на пути к осознанию литературной истории текста, причем ступенью, которая может помочь избежать смущающих ошибок, происходящих из ложных предположений (например, что вызывающее интерес слово или отрывок, читаемые в одном или нескольких лучших списках, непременно или предположительно были представлены в оригинале за века до появления в содержащем их старшем списке).

В заключение я бы хотел подчеркнуть, что издатель любого средневекового славянского текста должен сперва выбрать лучший список (в духе Бедье и Лихачева), затем опубликовать его как можно лучше с исчерпывающими разночтениями. После того как этот первый основной этап завершен, издатель должен перейти к своей следующей обязанности и дать реконструкцию по возможности лучшего текста — настолько близкого к оригиналу, насколько этого можно достичь, опираясь на критические возможности и свидетельства списков, взятые в целом. Имея такое двойное издание, сопровождаемое, конечно, детальным критическим разбором (*recensio*) с описанием всех списков и текстологическим исследованием их взаимоотношений, читатель получает лучшее от обоих миров, а публикатор действительно выполняет свои обязательства перед своим читателем и делает лучшее из того, что может быть сделано, для всех будущих исследователей любого направления, дабы дать им возможность обращаться к тексту с известным доверием.